

Е.И. Цымбал*, А.П. Дьяченко**

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ОТ СЕКСУАЛЬНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В статье анализируется соответствие российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных посягательств (2007 г.). Содержащееся в Конвенции положение об отказе от дискриминации детей, в том числе и по возрастному признаку, требует обеспечить защиту половой неприкосновенности всех лиц младше 18 лет. Авторы предлагают ввести уголовно-правовой запрет любых сексуальных контактов взрослых с несовершеннолетними 16–18 лет, если последние находятся в особо уязвимом положении. Рассмотрены вопросы, решение которых необходимо для оказания реабилитационной помощи детям, ставшим жертвами сексуальных посягательств, и проведения медико-психологической коррекции лицам, их совершившим. Предлагается ввести в УК РФ новый институт — принудительные меры коррекционного воздействия. Обосновывается возможность применения указанных мер к лицам, не достигшим возраста уголовной ответственности. Авторы предлагают имплементировать в УК РФ понятийный аппарат Конвенции, анализируют другие изменения и дополнения в УК и УПК РФ, внесение которых необходимо для соответствия европейским стандартам.

Ключевые слова: юриспруденция, сексуальные посягательства, дети, детская порнография, детская проституция, уголовное право, уголовно-процессуальное право, потерпевшие, обольщение, экспертиза.

Общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее правовой системы. В то же время международное право имеет приоритет над национальным законодательством.

Европейскую конвенцию о защите детей от сексуальной эксплуатации и посягательств сексуального характера¹ ныне подписали 43 ведущих европейских государства, отло-

жив принятое решение о ее ратификации на более поздний срок.

Ратификация Россией настоящей Конвенции и Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, предполагается в декабре 2014 г.²

Необходимость принятия специального акта, направленного на защиту детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных посяга-

¹ Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений / Криминальное насилие против женщин и детей: международные стандарты противодействия: сб. документов / сост. В.С. Овчинский. М., 2008. С. 357–386.

² План первоочередных мероприятий до 2014 г. по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., утвержден распоряжением Правительства РФ от 15 октября 2012 г. № 1916-р.

© Цымбал Евгений Иосифович

* Кандидат медицинских наук, лауреат премии Правительства РФ в области образования, заведующий отделением Социально-реабилитационного Центра для несовершеннолетних «Отрадное». 127273, г. Москва, ул. Декабристов, д. 22А.

© Дьяченко Анатолий Петрович

** Доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН [melhior@inbox.ru] 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

тельств, связана с тем, что сексуальная эксплуатация детей, в частности, детская порнография и детская проституция, все формы сексуального насилия над детьми оказывают разрушительное воздействие на их психическое и физическое здоровье, психосоциальное и нравственное развитие.

Конвенция основывается на таких общепризнанных принципах и нормах международного права, как Конвенция ООН о правах ребенка (1989), Конвенция Международной организации труда о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (1999), Факультативный протокол, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (2000), Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми (2000), дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (2000).

Целями настоящей Конвенции являются: предупреждение и пресечение сексуальной эксплуатации и сексуальных посягательств в отношении детей; защита прав детей, ставших жертвами сексуальной эксплуатации и сексуальных посягательств; содействие сотрудничеству на национальном и международном уровне в вопросах противодействия сексуальной эксплуатации и посягательствам сексуального характера в отношении детей, а для эффективного выполнения ее условий предусматривается создание специального мониторинга (ст. 1).

Авторы условно разделили положения настоящей Конвенции на следующие блоки.

Общие положения

Настоящая Конвенция исходит из того, что каждый ребенок имеет право на защиту со стороны семьи, общества и государства, которые определяются его статусом несовершеннолетнего.

В качестве основного принципа защиты детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных посягательств Конвенция (ст. 2) признает отказ от дискриминации. При реализации ее мер, в особенности призванных защитить права жертв, недопустима дискриминация по любому основанию, такому как пол, раса, цвет кожи, язык, религия, политические или иные убеждения, национальность или социальное происхождение, сексуальная ориентация, состояние здоровья и др.

По нашему мнению, это означает, что защита детей и уголовное преследование взрослых лиц, вовлекающих их в сексуаль-

ные отношения, соответственно должны осуществляться вне зависимости от возраста для всех жертв, вплоть до 18 лет.

Настоящая Конвенция (п. 2 ст. 18) рекомендует государствам самостоятельно устанавливать возраст защиты половой неприкосновенности ребенка.

Между положениями Конвенции и законодательством России, как и государств, ее признавших, существует определенное противоречие, которое должно разрешаться с учетом национальных традиций, с одной стороны, и основополагающих принципов и норм международного права — с другой.

По нашему мнению, целесообразно повысить возраст уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от сексуальных посягательств со стороны лиц, достигших совершеннолетия, но распространять эту защиту только на наиболее уязвимые категории детей — до 18 лет.

Тем самым может быть обеспечен своего рода баланс между правом детей на защиту их половой неприкосновенности и правом подростков в возрасте 16–18 лет на половую свободу. Аналогичный подход практикуют отдельные европейские страны (например, ФРГ, Швеция). Предложение о повышении возраста уголовно-правовой защиты до 18 лет неоднократно вносилось авторами³.

Перечень оснований, повышающих уязвимость детей, предусмотрен в Конвенции (ст. 18) и включает:

- злоупотребление правами опекуна, властью или влиянием на ребенка со стороны членов семьи;
- злоупотребление авторитетом или доверием ребенка со стороны лиц, обязанных заботиться о нем (педагоги, врачи, воспитатели, сотрудники полиции, работники мест лишения свободы, в которых содержатся несовершеннолетние);
- повышенная уязвимость ребенка, в частности из-за психических или физических недостатков;
- иные формы зависимости жертвы от виновного.

Авторы полагают, что последнее положение Конвенции нуждается в конкретизации для реализации на практике (например, в законодательстве или в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ).

Вторая глава Конвенции посвящена предупредительным мерам общесоциальной на-

³ Цымбал Е.И., Дьяченко А.П. Уголовно-правовой запрет ненасильственных сексуальных контактов между взрослым и ребенком // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация. Саратов, 2003. С. 85–90.

правленности, в то время как требования к национальному уголовному законодательству отнесены в главу шестую.

Предотвращение сексуальных посягательств, как видим, Конвенция обоснованно признает социально более значимой задачей, чем уголовно-правовую защиту детей.

Среди предупредительных мер Конвенция (ст. 5) придает приоритетное значение информированию специалистов, регулярно контактирующих с детьми (например, педагогов, медиков, социальных и пенитенциарных работников) о сексуальной эксплуатации и сексуальных посягательствах в отношении детей, обязанностях и механизмах информирования правоохранительных органов о выявленных случаях.

Национальное законодательство должно быть построено таким образом, чтобы сохранение конфиденциальности, являющееся обязательным для представителей ряда профессий (например, врачебная тайна), не препятствовало бы этим специалистам сообщать в правоохранительные органы обо всех случаях, когда есть основания полагать, что ребенок вовлечен в сексуальную эксплуатацию или пострадал от сексуального посягательства.

Применительно к производству по делам о сексуальных посягательствах в отношении детей принцип информированности специалистов реализуется в требовании привлекать к расследованию этих дел только специально подготовленных следователей и специализированные службы (ст. 34).

В настоящее время в Следственном комитете РФ осуществляется специализация следователей по расследованию сексуальных посягательств в отношении детей. Их дополнительная подготовка проводится на курсах повышения квалификации.

Представляется целесообразным, чтобы специализация следователей была бы закреплена в Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации». Одновременно необходимо разработать и утвердить программу их профессиональной переподготовки, определить объем специальных знаний, которыми они должны владеть. Последний вопрос представляется сложным, поскольку ответ на него зависит от того, будет ли следователь, специализирующийся на расследовании сексуальных посягательств в отношении детей, иметь возможность привлекать к участию в следственных действиях педагогов, психологов, психиатров, сексопатологов, имеющих дополнительную подготовку.

Участие в расследовании специально подготовленных специалистов и экспертов в области юридической психологии, судебной психиатрии, сексологии и судебной медицины так же важно, как и переподготовка самих следователей.

Следует также обеспечить специализацию прокуроров и судей, участвующих в рассмотрении уголовных дел о сексуальных посягательствах в отношении детей. Подобные дела могут рассматриваться коллегией судей федерального суда общей юрисдикции (желательно без участия присяжных).

Полагаем, что это сможет повысить качество уголовных дел и судебных экспертиз, сократить сроки рассмотрения дел и обеспечить повышенную охрану прав детей.

Эффективное противодействие сексуальным посягательствам в отношении детей предполагает реализацию на национальном уровне мер координации и сотрудничества. Так, Конвенция (ст. 10) предполагает создание независимых национальных или местных организаций, специализирующихся на защите прав детей, а также проведение национального мониторинга распространенности сексуальной эксплуатации и сексуальных посягательств в отношении них (например, национальной базы данных в правоохранительных органах о детях-жертвах, а также результатов социологических исследований).

В качестве независимых национальных или местных организаций, специализирующихся на защите прав детей, по нашему мнению, можно рассматривать органы опеки и попечительства, а также уполномоченных по правам ребенка. Мониторинг распространенности сексуальной эксплуатации и сексуальных посягательств в отношении детей в России ныне не проводится, несмотря на то, что за последние три года более 24 тыс. детей пострадали от преступлений против половой неприкосновенности.

С учетом высокой латентности сексуальных посягательств, данные о них, обобщаемые МВД России, отражают не реальную криминогенную ситуацию, а уровень учетно-регистрационной дисциплины и активность правоохранительных органов по расследованию этих дел.

Для объективной оценки распространенности сексуальных посягательств в отношении детей наряду с анализом преступности и судимости было бы оправданным проведение целенаправленных и систематических социологических опросов жертв, осужденных за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, работников правоохранительных органов, судов и граждан.

Сбор и передача информации рассматриваются Конвенцией (ст. 12) как важный инструмент защиты детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных посягательств. Так, государства-участники должны принять необходимые законодательные и иные меры, чтобы поощрять любое лицо, знающее или добросовестно подозревающее наличие сексуальной эксплуатации или посягательства сексуального характера в отношении ребенка, к сообщению об этих фактах соответствующим службам.

Реализация этого требования может привести к значительному увеличению числа заявлений, проверяемых по ст. 134–135 УК РФ. Не исключено, что проверки этих заявлений могут привести к росту необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел о сексуальных посягательствах в отношении детей.

Возможность реализации этих положений Конвенции зависит как от деятельности правоохранительных органов и судов, так и от объективности их освещения в СМИ. Односторонняя информация по уголовным делам, опубликованная в них, создает в общественном сознании искаженные представления, препятствующие усилиям государства по защите детей от сексуальных посягательств. В связи с этим следует внести соответствующие изменения и дополнения в Закон РФ «О средствах массовой информации».

Защита прав потерпевших от сексуальных посягательств

Значительное внимание в Конвенции (ст. 11) уделяется оказанию необходимой поддержки жертвам, их близким родственникам и любым опекающим их лицам. Эта позиция представляется обоснованной с учетом зависимости благополучия ребенка от психологического состояния значимых для него взрослых.

Конвенция (ст. 14) раскрывает содержание помощи, адресованной жертвам и их близким, которая может быть краткосрочной, включая экстренную психологическую, и долгосрочной, направленной на физическое и психосоциальное восстановление (реабилитацию).

На наш взгляд, помощь жертвам имеет медицинскую, в том числе психиатрическую, психологическую и социальную составляющие. Меры, принимаемые в соответствии с настоящей Конвенцией, должны учитывать взгляды, потребности и интересы ребенка.

Внимание, уделяемое Конвенцией по реабилитации потерпевших, предполагает

некоторое изменение вектора уголовного судопроизводства России по данной категории дел.

Из Конвенции следует, что для установления характера и степени вреда здоровью, психологических последствий сексуального посягательства на этапе расследования или суда целесообразно проведение комплексной экспертизы как самому потерпевшему, так и его родным и близким.

Если родители или опекающие ребенка лица участвуют в его сексуальной эксплуатации или посягательствах сексуального характера, то процедура вмешательства должна включать возможность удаления предполагаемого преступника или жертвы из его семейной среды, условия и продолжительность которого должны быть определены в соответствии с интересами ребенка.

Чтобы обеспечить возможность медицинской, особенно экстренной психологической помощи для жертв и их близких, необходимо принять законодательные или другие меры (например, создать в России систему специализированных реабилитационных центров).

В рамках рассмотрения этих уголовных дел обязательным представляется предъявление гражданского иска о возмещении вреда, причиненного сексуальным посягательством, а также о взыскании средств, необходимых для лечения и реабилитации жертвы и ее близких.

В соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (ООН, 1985) то или иное лицо может считаться «жертвой» независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду, или осужден правонарушитель (п. 2). К жертвам следует относиться с состраданием и уважать их достоинство. Они имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством (п. 4).

Известно, что с момента возбуждения уголовного дела только в 3% случаев жертва признается потерпевшей не позднее трех суток, в 57% случаев — от 20 до 40 суток, а в 40% случаев — свыше 40 суток.

Когда решением вопроса о мере пресечения затрагиваются права потерпевшего, то его представитель вправе довести до сведения органов предварительного расследования, прокурора и суда свою позицию об избрании, продлении, изменении, отмене той или иной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, а также обжаловать это решение.

Статьи закона и разъяснения высшего судебного органа, касающиеся правомочий потерпевшего, теряют смысл до тех пор, пока правоприменитель не признает жертву преступления потерпевшим, оформив свое процессуальное решение соответствующим постановлением. Лишь с этого момента потерпевший приобретает свой статус и права, предусмотренные УПК РФ (ст. 42).

Правоприменитель может признать жертву потерпевшим либо в начале расследования уголовного дела, либо при его окончании, тем самым грубо нарушив его права.

Изложенные обстоятельства дают основания полагать, что в УПК РФ содержится существенный пробел, касающийся статуса потерпевшего и обязательного учета его мнения по тем или иным вопросам уголовного судопроизводства.

В этой связи целесообразно, чтобы федеральный законодатель внес соответствующие дополнения в УПК РФ о потерпевшем от преступления и, главное, указал сроки, в течение которых правоприменитель обязан официально признать жертву потерпевшим (например, с момента возбуждения дела либо с момента предъявления обвинения). Представляется, что первый вариант следует рассматривать как наиболее предпочтительный.

Об особой актуальности оказания помощи несовершеннолетним потерпевшим от сексуальных посягательств свидетельствует судебная и следственная практика, согласно которой один педофил может совершать преступные посягательства в отношении многих потерпевших.

Например, 29-летний Михаил Е. в течение нескольких месяцев развращал школьников. Так, он встретил во дворе одного из жилых домов четырех школьников 3, 5 и 7 классов и пригласил их поиграть в поле у дома. Там он совершил развратные действия с каждой из девочек. Дети рассказали о случившемся своим мамам, которые пошли с заявлением в полицию. Через несколько часов Михаил Е. был задержан. Выяснилось, что эти девочки были не единственными жертвами педофила. С июня по ноябрь 2012 г., он обманым путем заманивал третьеклассниц и пятиклассниц из местных школ в свой автомобиль, отвозил их в безлюдные места, где развращал. Педофил давал детям от 500 до 1500 рублей за молчание, угрожая в противном случае «оторвать голову». Следствием ныне уже выявлено более 19 эпизодов совершения сексуальных действий с малолетними.

Резко возрастает число потерпевших при использовании для развращения детей социальных сетей в Интернете. Так, 29-летний фельдшер Центра экстренной медицинской помощи Дмитрий Ж. представлялся женским именем в социальных сетях и знакомился с девочками от 8 до 13 лет. Писал, что ищет модели для фотосессии в модном журнале и предлагал детям раздеться до пояса перед веб-камерой. Записав на видео, начинал шантажировать девочек: угрожая, что покажет съемку одноклассникам, а за молчание требовал раздеться полностью и делать перед камерой то, что он скажет. Самым сговорчивым жертвам педофил переводил деньги через электронный кошелек или оплачивал услуги в соцсетях. Подобная схема позволяла педофилу какое-то время оставаться в тени. В процессе обыска у него дома в компьютере нашли информацию о 450 несовершеннолетних, в отношении которых, как предполагает следствие, осуществлялись действия сексуального характера. Там же были фотографии с указанием фамилий, имен и контактных данных школьников. О себе на странице в «Одноклассниках» сообщил, что в армии не служил, потому что имеет двоих малолетних детей.

Коррекция нарушений личности педофила

Настоящая Конвенция признает значимым направлением в предупреждении сексуальных преступлений в отношении детей оказание медицинской, психологической или социальной помощи лицам с расстройствами сексуального влечения.

В качестве одного из средств воздействия на лиц, совершивших сексуальные посягательства в отношении детей, Конвенция (гл. 5) признает «программы или меры по вмешательству», в качестве которых авторы рассматривают коррекционные меры, содержанием которых являются медико-санитарная помощь и социальные услуги, имеющие целью предотвращение и минимизацию рисков повторных сексуальных посягательств.

К медико-санитарным мерам, по нашему мнению, могут быть отнесены: оказание психиатрической помощи (принудительные меры медицинского характера в отношении ограниченно вменяемых лиц) и длительное введение педофилам антиандрогенных препаратов с мониторингом уровня мужских половых гормонов в крови (химическая кастрация).

Указанные меры, применяемые наряду с наказанием, могут быть отнесены к иным мерам уголовно-правового характера.

УК РФ (гл. 15) знает только принудительные меры медицинского характера, которые назначаются невменяемому, а ограниченно вменяемому — на период исполнения наказания.

Меры, которые имеет в виду Конвенция, ближе всего к принудительным мерам медицинского характера, соединенным с исполнением наказания, однако, значительно шире их по содержанию, а также могут применяться и в постпенитенциарный период.

Авторы ранее неоднократно предлагали дополнить УК РФ новым институтом — принудительными мерами коррекционного воздействия для профилактики рецидива как у осужденных за сексуальные преступления, так и у освобожденных из мест изоляции⁴.

Указанные меры назначаются лицам, имеющим нарушения сексуального предпочтения, которые исключают возможность их исправления без оказания медицинской и социально-психологической помощи как во время исполнения наказания, так и после освобождения из мест лишения свободы. Принудительные меры коррекционного воздействия, на наш взгляд, могут включать в себя:

- принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра, сексолога или психиатра-нарколога;
- принудительное наблюдение и контроль со стороны специалиста;
- обязательное прохождение программы социально-психологической коррекции или реабилитации;
- химическую кастрацию.

В соответствии с настоящей Конвенцией (ст. 7) государства-участники обеспечивают лицам, опасаящимся, что они могут совершить сексуальное посягательство в отношении ребенка, доступ к эффективным коррекционным программам (программам вмешательства или мерам для снижения риска совершения сексуальных посягательств).

Однако при ее реализации в России, на наш взгляд, придется столкнуться с серьезными проблемами, в том числе:

- с отсутствием соответствующих коррекционных программ, которые включали бы в себя медицинские, психологические, психиатрические и социальные меры;
- с целесообразностью законодательно предусмотреть источник и объем финансирования таких программ, реализация которых, скорее всего, должна осуществляться в рамках оказания психиатрической (сексологической) помощи;
- с необходимостью создания сети специализированных учреждений и подготовки персонала.

Следует отметить, что в Конвенции не встречаются термины «педофилия», «лица, страдающие педофилией». Вместо них используются следующие понятия:

- лица, которые опасаются, что они могли бы совершить сексуальное посягательство в отношении ребенка (ст. 7);
- лица, подвергающиеся уголовному преследованию за сексуальное посягательство в отношении ребенка; лица, признанные виновными в совершении сексуального посягательства в отношении ребенка (ст. 16).

Настоящая Конвенция, как видим, при назначении виновным мер коррекционного воздействия отказалась от использования медицинского критерия — диагноза «педофилия», который может быть установлен (не установлен) при комплексной судебной сексолого-психолого-психиатрической экспертизе. Основанием для применения мер коррекционного воздействия является объект преступного посягательства и характер содеянного.

С таким подходом можно согласиться, однако лишь отчасти. Согласно экспертной практике⁵ число педофилов среди обвиняемых в сексуальных посягательствах в отношении детей составляет не более 50%.

Вторая половина — это лица без стойкого расстройства сексуального влечения по объекту. Это не означает, что у них нет иных психических расстройств или иных устойчивых нарушений личности, которые нуждаются в коррекции. В отношении указанных лиц комплекс медицинских и психологических мер, направленных на коррекцию нарушения по-

⁴ Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. Принудительные меры коррекционного воздействия – новый институт уголовного права России // Проблемы уголовной политики, экологии и права. Материалы международной конференции. СПб., 2010; Цымбал Е.И., Дьяченко А.П. Медико-правовые подходы к коррекции девиантного сексуального поведения // Вестник Орловского государственного университета. 2010. №4.

⁵ Ткаченко А.А., Шишков С.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений в свете Федерального закона от 29.02.2012 №14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за посягательства сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Информационное письмо. М., 2012.

лового влечения по объекту, будет неэффективен.

По мнению авторов, основанием для назначения мер коррекционного воздействия лицу, впервые привлеченному к уголовной ответственности за сексуальное посягательство в отношении ребенка, должно являться заключение комплексной экспертизы. Повторное же совершение аналогичного деяния свидетельствует о наличии у виновного устойчивого педофильного влечения, в связи с чем ему вряд ли есть необходимость проводить комплексную экспертизу для назначения коррекционных мер.

Позиция Конвенции об исключительно добровольном назначении мер коррекционного воздействия лицам, совершившим сексуальные посягательства в отношении детей, авторами не разделяется. При наличии у виновного стойкого расстройств сексуального влечения добиться его исправления исключительно уголовным наказанием вряд ли возможно.

В связи с этим в случаях рецидивных сексуальных посягательств в отношении детей меры коррекционного воздействия должны назначаться судом принудительно, без согласия лица, поскольку только наказания в виде лишения свободы для его исправления недостаточно. Такой же подход реализуется, например, в ряде штатов США.

В отношении лиц с расстройствами сексуального поведения, совершивших сексуальные посягательства против детей, по нашему мнению, меры коррекционного воздействия во всех случаях должны носить принудительный характер. Подобный подход уже реализован в УК РФ в отношении осужденных, признанных ограниченно вменяемыми.

Согласно Конвенции (п. 1 ст. 15) меры (схожие с предлагаемыми коррекционными) должны применяться «в ходе судебного разбирательства внутри и за пределами мест заключения». С нашей точки зрения, медицинская, психологическая или социальная помощь в период предварительного расследования или судебного разбирательства лишена смысла, поскольку не позволяет добиться целей применения коррекционных мер (исправления и снижения риска рецидива). Принципиально важным является возможность применения этих мер «за пределами мест заключения», т.е. после исполнения наказания в виде лишения свободы. Именно после освобождения из мест лишения свободы при сохранении патологического влечения к детям возникает реальный риск совершения рецидива сексуального посягательства. С

этого времени и должны применяться меры, направленные на снижение эмоциональных и поведенческих нарушений.

В настоящее время вопреки мнению ряда отечественных ученых⁶ принудительные меры медицинского характера не могут исполняться после освобождения осужденного из мест лишения свободы, поскольку в отношении ограниченно вменяемых лиц (именно к этой категории относится большинство осужденных за педофильные посягательства) они необоснованно ограничены сроком исполнения наказания.

За совершение сексуальных посягательств в отношении детей в России установлены длительные и сверхдлительные сроки лишения свободы (соответственно на срок до 15 или 20 лет лишения свободы либо пожизненное лишение свободы).

Нахождение в исправительных учреждениях оказывает существенное влияние на личность осужденного. В связи с изложенными обстоятельствами вопрос о назначении коррекционных мер целесообразно решать не при вынесении приговора за совершенное сексуальное посягательство, а перед освобождением осужденного из мест изоляции.

Основанием для прекращения применения коррекционных мер является достижение лицом такого уровня социальной адаптации и такой стабилизации психологического состояния, при которых вероятность рецидива будет незначительна.

Конвенция (п. 3 ст. 15) содержит еще одно важное положение, которое отсутствует в уголовном законодательстве России. Не только длительность коррекционных мер, но и их содержание определяется возможным риском повторения преступления (рецидива). Для оценки его риска необходимо использование специальных знаний в области психиатрии, психологии и сексологии, т.е. должна назначаться комплексная экспертиза.

Эта экспертиза призвана решать новую для отечественной судебно-психиатрической науки проблему об оценке риска рецидива и рекомендовать суду меры коррекционного воздействия, а не строгость надзора за невменяемым, как это имеет место при выборе вида принудительной меры медицинского характера в настоящее время.

По нашему убеждению, вопрос о содержании коррекционных мер может быть решен только на основании комплексной экспертизы, в связи с чем целесообразно внесение соответствующих изменений в ст. 196 УПК РФ.

⁶ Ткаченко А.А., Шишков С.Н. Указ. раб.

Конвенция (п. 3 ст. 16) рекомендует обеспечить доступ к коррекционным мерам не только лицам, осужденным за совершение сексуальных посягательств в отношении детей, но и несовершеннолетним, совершившим сексуальные посягательства до достижения возраста уголовной ответственности (для России — 14 лет). Практика свидетельствует об увеличении числа подростков, которые до достижения этого возраста совершают сексуально окрашенные действия в отношении детей.

Поскольку малолетние не подлежат уголовной ответственности, уголовные дела в отношении них не возбуждаются. Рассмотрение сообщений о подобных деяниях ограничивается проверкой, что исключает возможность производства экспертизы для изучения личности подростка.

Далеко не всегда эти несовершеннолетние направляются в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Но и в них они не получают необходимой медицинской и психокоррекционной помощи.

В связи с этим авторы допускают возможность возбуждения уголовного дела даже и в том случае, когда лицо, совершившее сексуальное посягательство, не достигло 14-летнего возраста. Это позволит в полном объеме провести следственные действия, в том числе экспертизы. При наличии у несовершеннолетнего расстройства сексуального влечения дело направляется в суд для освобождения его от уголовной ответственности и применения принудительных мер медицинского характера или предлагаемых мер коррекционного воздействия.

В подобных случаях вряд ли можно будет говорить об уголовном преследовании лица, не достигшего 14-летнего возраста (хотя вопрос о снижении возраста уголовной ответственности ныне активно обсуждается), поскольку уголовное наказание не назначается, а применяются принудительные меры медицинского характера или меры коррекционного воздействия. Аналогичная ситуация имеет место при назначении принудительных мер медицинского характера невменяемому, который не подлежит уголовной ответственности в силу психического расстройства, а не вследствие недостижения возраста.

Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства России

Авторы считают целесообразным использовать понятийный аппарат настоящей Кон-

венции в целях обеспечения единообразия применения законодательства, включив его в качестве примечаний для конкретизации ряда терминов Особенной части УК РФ. К ним относятся:

- «детская» проституция — использование ребенка для совершения сексуальных действий, если в качестве оплаты ему даны или обещаны деньги или любое другое вознаграждение, независимо от того, были ли эти деньги или иное вознаграждение представлены или обещаны самому ребенку или третьему лицу (ст. 19);
- «детская» порнография — любые материалы, изображающие ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка для преимущественно сексуальных целей.

Авторы в целом разделяют эти положения Конвенции, однако полагают, что более оправданным представляется выделение признаков, совокупность которых характерна для любого порнографического предмета или изображения.

Применительно к визуальным материалам такие признаки могут быть основаны на критериях, исключающих возможность публичной демонстрации и распространения фильмов, программ и иных визуальных материалов и зрелищных мероприятий, которыми, например, являются:

- детальное, крупным планом, с использованием прямого ракурса изображение половых органов;
- натуралистическое изображение сексуальных отношений в форме, унижающей или оскорбляющей человеческое достоинство, подробная фиксация физиологии сексуальных отношений;
- детальное изображение половых органов и натуралистическое воспроизведение сексуальных отношений является самодостаточным и самоцельным;
- демонстрация половых органов и воспроизведение сексуальных отношений занимает основную часть экранного времени (определяет содержание фильма или визуальных материалов, либо большинства его эпизодов);
- изображение парафильных вариантов сексуального поведения, например, садомазохизма, некрофилии, педофилии и зоофилии.

Перечень критериев порнографических материалов или изображений, предлагаемый авторами, был доработан с привлечением

специалистов отдела сексопатологии Московского НИИ психиатрии Минздравсоцразвития России и опубликован в виде методических рекомендаций для производства судебных экспертиз⁷.

Конвенция криминализирует хранение детской порнографии (владение без целей сбыта), сознательное получение доступа посредством информационных и коммуникационных технологий к детской порнографии.

Таких составов преступлений в УК РФ пока нет, однако необходимость в них существует. Следует учитывать, что криминализация (полная или частичная) сознательного получения доступа к «детской» порнографии посредством информационных и коммуникационных технологий настоящей Конвенцией отнесена на усмотрение национального законодателя.

Конвенция (ст. 21) накладывает на государства-участники обязательство криминализовать проведение порнографических представлений с участием детей. Уголовная ответственность должна наступать за вовлечение или принуждение ребенка к участию в этих представлениях и получение прибыли от них (т.е. за их организацию); сознательное посещение порнографических представлений с участием детей.

Конвенция (ст. 22) конкретизирует состав такого преступления, как растление детей (в УК РФ — развратные действия). Под растлением детей понимается намеренное привлечение в сексуальных целях ребенка, не достигшего установленного законом возраста, к наблюдению за преступлениями сексуального характера или сексуальными действиями, даже если от ребенка не требуется участия в них.

Конвенция (ст. 23) предлагает состав посягательства, не известный уголовному законодательству России, — «соблазнение детей в сексуальных целях». Под соблазнением детей в сексуальных целях понимается намеренное предложение с использованием информационно-коммуникационных технологий со стороны совершеннолетнего встретиться с ребенком, не достигшим установленного законом возраста, для вовлечения его в действия сексуального характера, включая изго-

товление «детской» порнографии, если это предложение сопровождалось действиями, приводящими к такой встрече.

Описание недопустимых видов сексуальных контактов между взрослым и ребенком, скорее всего, должно содержаться в национальном законодательстве, том числе и в российском. Такой подход может обеспечить учет в надлежащем объеме социокультуральных особенностей страны, вне всякого сомнения, играющих важную роль в выборе общественно допустимых сексуальных отношений между ребенком и взрослым, что позволяет ограничить круг деяний, за которые виновное лицо может понести предусмотренную в законе ответственность. Данная позиция в 1997 г. была подтверждена Советом Европы, указавшим, что такие понятия, как «ребенок», «сексуальное насилие», «противозаконный половой акт» должны определяться национальным законодательством.

При решении вопроса о том, какой правовой механизм целесообразнее использовать для защиты прав и законных интересов ребенка, необходимо учитывать, что уголовный закон рассматривается как самое мощное оружие, с помощью которого государство борется только с общественно опасными формами сексуального поведения. Это соответствует позиции Европейского суда, который считает, что меры уголовно-правовой защиты должны применяться лишь в тех случаях, когда иным способом необходимый результат не может быть достигнут (Case X and Y vs. NL, 1985).

Главным итогом сексуальной революции можно считать либерализацию взглядов на отношения между полами и уважение права личности на свободу полового самоопределения. В то же время уголовное право зарубежных стран включает нормы, гарантирующие несовершеннолетним половую неприкосновенность и защиту от сексуальной эксплуатации. С этой целью уголовным законом предусмотрен повышенный возрастной барьер для вступления взрослых в сексуальные отношения с несовершеннолетними, которые находятся в зависимости от них, а также с помощью использования взрослыми сексуального соблазнения или обольщения (умышленного вовлечения ребенка в сексуальные отношения с использованием его социальной и психологической незрелости), например, обещанием материального вознаграждения или подарка.

В УК Сан-Марино включена самостоятельная норма (ст. 175. Обольщение), согласно которой подлежит наказанию в виде тюремного заключения любое лицо, которое

⁷ См. более подробно: Сексологическое исследование и экспертиза материалов сексуального содержания (пособие для врачей). М., 2004; Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. Подходы к регламентации нормативного определения порнографии / Уголовное право. 2004. №4; Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. Российское и международное законодательство о противодействии «детской» порнографии / Криминология: вчера, сегодня, завтра. №1 (10). СПб., 2006.

вступило в сексуальные отношения с женщиной моложе 21 года, «вводя ее в заблуждение в отношении собственного состояния и обещая на ней жениться», что можно рассматривать как использование соблазнения. Аналогичные нормы существуют в Уголовных кодексах Австрии, Испании и Франции.

Уголовное законодательство дореволюционной России знало такие составы преступлений, как «обольщение» и «растление». Под обольщением понималось умышленное вовлечение незамужней женщины в половую связь обещанием вступить с нею в брак. Сексуальное соблазнение (обольщение) девушки, «не достигшей 14 лет от роду», составляло растление.

Квалифицированными видами законодатель признавал обольщение несовершеннолетней, достигшей 14 лет, «опекуном, учителем или иным лицом, имеющим по званию или особым обстоятельствам надзор за нею или какую-либо власть». Жертвами преступного сексуального соблазнения (обольщения) преимущественно являлись девушки. В обольщении нет ни насилия, ни его угрозы, как способов вовлечения в «плотскую связь». Женщина не оказывает виновному сопротивления, вступает в нее добровольно, «в связи с тем, что обольститель успел возбудить у нее доверие, “устраняющее ее сомнения”».

Как видим, отечественное уголовное законодательство в XIX в. более полно, чем временный УК РФ, охраняло права несовершеннолетних в сфере сексуальных отношений, учитывая особенности взаимоотношений между взрослым преступником и ребенком, пострадавшим от его сексуального посягательства.

Одним из основных мотивов вовлечения ребенка в сексуальные отношения является удовлетворение сексуальной потребности взрослого. Вместе с тем взрослый может руководствоваться и иными мотивами, например, использование возникшей зависимости или привязанности ребенка для вовлечения его в занятие проституцией, незаконное изготовление порнографической продукции, его похищение или торговля. В этом случае это деяние, на наш взгляд, приобретает повышенную общественную опасность, в связи с чем за его совершение целесообразно установить более строгую ответственность.

Возраст потенциальных жертв сексуального соблазнения (обольщения) приходится на тот период, когда при наличии исключительных обстоятельств возможно вступление в брак.

С учетом этого авторы предлагают установить частнопубличный порядок возбуждения уголовных дел данной категории. Кроме того, вступление в зарегистрированный брак с потерпевшим лицом, на наш взгляд, может быть одним из оснований для освобождения виновного от уголовной ответственности и от наказания за данное преступление.

Как видим, настоящая Конвенция, по существу, предлагает рассматривать в качестве самостоятельного посягательства покушение на совершение развратных действий или совершение полового сношения и иных действий сексуального характера с ребенком.

Конвенция (ст. 27) также рекомендует новые для России санкции за совершение сексуальных посягательств в отношении детей, к которым относит следующие:

- конфискацию товаров, документов и других средств, использовавшихся для совершения сексуальных посягательств в отношении детей;
- конфискацию доходов, полученных в результате таких посягательств, или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов;
- лишение родительских прав;
- контроль и надзор за осужденными за подобные посягательства.

Уголовное законодательство России таких санкций не знает. Однако значительный профилактический потенциал лишения родительских прав и установления надзора за осужденным в части предупреждения рецидива сексуальных посягательств дает основание считать их включение в национальное законодательство целесообразным.

Имплементация положений настоящей Конвенции (ст. 21–23, 27) в УК РФ представляется желательной.

Глава седьмая Конвенции (ст. 30) посвящена вопросам оптимизации процесса расследования сексуальных посягательств в отношении детей. В качестве базового принципа уголовного судопроизводства по данной категории дел она признает, что расследование и уголовное преследование должны проводиться в интересах ребенка и с уважением его прав.

Из этого принципа вытекает требование к государствам-участникам применять по отношению к жертвам меры защиты, гарантируя, что расследование и судебное разбирательство не усугубят травму от посягательства, пережитого ребенком. При необходимости следственные и процессуальные действия с участием детей должны сопровождаться оказанием им помощи. На наш взгляд, такой

подход является новым для уголовно-процессуального законодательства России, традиционно уделяющего приоритетное внимание защите прав обвиняемого и подсудимого.

Конвенция (ст. 31) раскрывает те законодательные и иные меры, которые должны применять государства-участники для защиты прав и интересов потерпевших, в том числе их особые потребности при даче показаний, на всех стадиях уголовного судопроизводства.

К числу новых для УПК РФ мер защиты несовершеннолетних потерпевших можно отнести следующие:

- обеспечение жертв и членов их семей по крайней мере в тех случаях, когда они могут оказаться в опасности, информацией о том, что лицо, признанное виновным выпущено на свободу;
- предоставление потерпевшим услуг поддержки с тем, чтобы их права и интересы были должным образом представлены и приняты во внимание;
- защита частной жизни и репутации потерпевших путем предотвращения публичного распространения любой информации, которая может привести к установлению их личности;
- исключение возможности контакта между жертвой и преступником в суде и правоохранительных органах, если только компетентные органы не решат иначе в интересах ребенка или когда расследование или судебное разбирательство требует такого контакта;
- обеспечение потерпевшим доступа, по возможности бесплатно, к правовой помощи на период их участия в процессе уголовного судопроизводства;
- предоставление правительственным или неправительственным организациям возможности на период уголовного судопроизводства оказывать помощь и/или поддержку жертвам с их согласия.

Конвенция (ст. 35) требует от сторон закрепления на законодательном уровне или иными средствами следующих требований к проведению допроса несовершеннолетнего (потерпевшего или свидетеля), которые ныне отсутствуют в УПК РФ:

- проведение допроса как можно в более ранние сроки после возбуждения уголовного дела;
- наличие помещений, специально предназначенных и оборудованных для допроса несовершеннолетних;
- проведение допроса лицами (следователем, педагогом или психологом), прошедшими специальную подготовку;

- минимизация числа допросов;
- проведение видеозаписи всех допросов ребенка, свидетеля или потерпевшего, указанные видеозаписи должны приниматься судом как допустимые доказательства;
- при рассмотрении уголовного дела судом потерпевшему должна быть обеспечена возможность давать показания без физического присутствия в зале суда (с помощью соответствующих коммуникационных технологий).

Эти положения Конвенции (ст. 30, 31, 35), по мнению авторов, желательно включить в УПК РФ.

Правительством России внесен проект Федерального закона №151664-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее — законопроект).

Как следует из пояснительной записки к нему, его целью является предотвращение сексуальной эксплуатации детей и сексуальных злоупотреблений в их отношении, а также обеспечение защиты прав и интересов несовершеннолетних, потерпевших от посягательств против их половой неприкосновенности и половой свободы в ходе расследования этих преступлений.

Законопроект предлагает дополнить УК РФ ст. 240.1, устанавливающей ответственность лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, за получение сексуальных услуг от заведомо несовершеннолетнего в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет.

Включение доктринальных рекомендаций об ответственности клиентов проституток и других лиц в законодательство России авторами предлагалось ранее⁸.

В ст. 240.1 УК РФ включено примечание, согласно которому под сексуальными услугами понимается только половое сношение, условием совершения которого является денежное вознаграждение несовершеннолетнему или третьему лицу.

Представляется, что предлагаемое примечание существенно ограничивает возможности применения новой уголовно-правовой нормы, поскольку в нем используется понятийный аппарат, отличный от подхода Конвен-

⁸ Дьяченко А.П. Проституция и преступность. М., 1991; Дьяченко А.П. Сексуальная коммерция: проститутки и их клиенты / Проблемы сексуального контроля за проституцией, СПИДом и порнографией. М., 1993; Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений. М., 1995; Дьяченко А.П. Эксплуатация проституция в России М., 1999.

ции, которая относит к «детской» проституции совершение любых сексуальных действий (а не только полового сношения), и не только за деньги, но и за любое иное вознаграждение, как полученное, так и обещанное.

Предлагаемая редакция примечания включает возможность уголовного преследования за наиболее опасный и тревожащий общественное мнение вид «детской» проституции — гомосексуальную.

УК РФ обоснованно исключил признак «заведомости» из составов преступлений, предусмотренных статьями, содержащимися в главе 18, в связи с чем он не может быть включен в настоящий законопроект.

Конвенция (ст. 23) предлагает принять необходимые законодательные или другие меры для исключения соблазна детей взрослыми в сексуальных целях. В связи с этим авторы полагают, что уместно предложить уголовную ответственность за ненасильственный сексуальный контакт взрослого с несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет путем соблазна или обольщения⁹.

Кроме того, законопроект предлагает дополнить ст. 166 и 281 УПК РФ положениями, предусматривающими обязательное применение видеозаписи или киносъемки следственных действий при производстве по делам о сексуальных посягательствах с участием несовершеннолетнего потерпевшего, а при необходимости и несовершеннолетнего свидетеля.

В случае неявки несовершеннолетнего в судебное заседание по ходатайству стороны или по собственной инициативе суд вправе

принять решение об оглашении данных несовершеннолетним показаний и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, произведенных с его участием.

Практика свидетельствует, что допрос с видеозаписью из-за необходимости ее расшифровки для составления протокола занимает несколько часов. Для малолетних детей такая продолжительность следственного действия вредна, недопустима. В связи с этим полагаем целесообразным предусмотреть в УПК РФ возможность подписания протокола допроса с использованием видеозаписи не после завершения допроса, а некоторое время спустя (после расшифровки видеозаписи следователем). Законный представитель ребенка в этом случае сможет подписать протокол после просмотра видеозаписи.

Перед федеральным законодателем, по нашему мнению, сохраняется проблема изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства России для приведения его в соответствие с положениями Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и посягательств сексуального характера.

Учитывая значимость настоящей Конвенции и Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, для защиты детей от сексуальных посягательств вряд ли оправдано откладывать их ратификацию Россией до декабря 2014 г.

Библиография:

1. Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений / Криминальное насилие против женщин и детей: международные стандарты противодействия: сб. документов / сост. В.С. Овчинский. М., 2008. С. 357–386.
2. План первоочередных мероприятий до 2014 г. по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., утвержден распоряжением Правительства РФ от 15 октября 2012 г. № 1916-р.
3. Цымбал Е.И., Дьяченко А.П. Уголовно-правовой запрет ненасильственных сексуальных контактов между взрослым и ребенком // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация. Саратов, 2003. С. 85–90.
4. Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. Принудительные меры коррекционного воздействия — новый институт уголовного права России / Проблемы уголовной политики, экологии и права. Материалы международной конференции. СПб., 2010; Цымбал Е.И., Дьяченко А.П. Медико-правовые подходы к коррекции девиантного сексуального поведения / Вестник Орловского государственного университета. 2010. №4.

⁹ Цымбал Е.И., Дьяченко А.П. Уголовно-правовой запрет ненасильственных сексуальных контактов между взрослым и ребенком // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация. Саратов, 2003. С. 85–90.

5. Ткаченко А.А., Шишков С.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений в свете Федерального закона от 29.02.2012 №14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за посягательства сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Информационное письмо. М., 2012.
6. См. более подробно: Сексологическое исследование и экспертиза материалов сексуального содержания (пособие для врачей). М., 2004; Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. Подходы к регламентации нормативного определения порнографии / Уголовное право. 2004. №4; Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. Российское и международное законодательство о противодействии «детской» порнографии / Криминология: вчера, сегодня, завтра. №1 (10). СПб., 2006.
7. Дьяченко А.П. Проституция и преступность. М., 1991; Дьяченко А.П. Сексуальная коммерция: проститутки и их клиенты / Проблемы сексуального контроля за проституцией, СПИДом и порнографией. М., 1993; Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений. М., 1995; Дьяченко А.П. Эксплуатации проституция в России. М., 1999.
8. Цымбал Е.И., Дьяченко А.П. Уголовно-правовой запрет ненасильственных сексуальных контактов между взрослым и ребенком // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация. Саратов, 2003. С. 85–90.

References (transliteration):

1. Konventsii Soveta Evropy o zashchite detey ot seksual'noy ekspluatatsii i seksual'nykh zloupotrebleniy / Kriminal'noe nasilie protiv zhenshchin i detey: mezhdunarodnye standarty protivodeystviya :sb. dokumentov / sost. V.S. Ovchinskiy. M., 2008. S. 357–386.
2. Plan pervoocherednykh meropriyatii do 2014 g. po realizatsii vazhneyshikh polozheniy Natsional'noy strategii deystviy v interesakh detey na 2012-2017 gg., utverzhden rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 15 oktyabrya 2012 g. № 1916-r.
3. Tsymbal E.I., D'yachenko A.P. Ugolovno-pravovoy zapret nenasil'stvennykh seksual'nykh kontaktov mezhdru vzroslym i rebenkom // Ugolovno-pravovaya okhrana lichnosti i ee optimizatsiya. Saratov, 2003 g. S. 85–90.
4. D'yachenko A.P., Tsymbal E.I. Prinuditel'nye mery korrektsionnogo vozdeystviya — novyy institut ugolovnogo prava Rossii / Problemy ugolovnoy politiki, ekologii i prava. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. SPB 2010 g.; Tsymbal E.I., D'yachenko A.P. Mediko-pravovye podkhody k korrektsii deviantnogo seksual'nogo povedeniya / Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010, №4.
5. Tkachenko A.A., Shishkov S.N. Sudebno-psikhiatricheskaya ekspertiza po opredeleniyu rasstroystv seksual'nykh predpochteniy v svete Federal'nogo zakona ot 29.02.2012 №14-FZ «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh usileniya otvetstvennosti za posyagatel'stva seksual'nogo kharaktera, sovershennyye v otnoshenii nesovershennoletnikh». Informatsionnoe pis'mo. M., 2012.
6. См. более подробно: Сексологическое исследование и экспертиза материалов сексуального содержания (пособие для врачей). М. 2004 г.; Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. Подходы к регламентации нормативного определения порнографии / Уголовное право 2004, №4; Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. Российское и международное законодательство о противодействии «детской» порнографии / Криминология: вчера, сегодня, завтра №1 (10), СПб, 2006.
7. Дьяченко А.П. Проститутсия и преступность. М., 1991; Дьяченко А.П. Сексуальная коммерция: проститутки и их клиенты / Проблемы сексуального контроля за проститутсией, СПИДом и порнографией. М., 1993 г.; Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений М., 1995 г.; Дьяченко А.П. Эксплуатация проститутсия в России М., 1999 г.
8. Tsymbal E.I., D'yachenko A.P. Ugolovno-pravovoy zapret nenasil'stvennykh seksual'nykh kontaktov mezhdru vzroslym i rebenkom // Ugolovno-pravovaya okhrana lichnosti i ee optimizatsiya. Saratov, 2003 g. S. 85–90.

Материал получен редакцией 11 февраля 2013 г.